

Вета НОЖКИНА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ПОИСК СЕБЯ

ПОТЕРЯННОЕ ИМЯ

что может подсказать тень твоего имени...

Вета Ножкина

**Потерянное имя. Приключения,
поиск себя. Что может
подсказать тень твоего имени...**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11314033

ISBN 9785447417956

Аннотация

Имя – отпечаток человека, его след. Найти человека, важного для тебя, значит одно: ступить на его путь. Многие ищут свою дорогу, а в ней – тайну своего наречения. В поиске находится и главный герой романа «Потерянное имя». Ему помогают и противостоят – территории разных стран, туннели вероисповеданий, любовь и даже злостные надругательства мошенников, посягнувших на его жизнь. Раскрыть тайну непросто, как непросто понять человеку себя, неважно, в каком возрасте – в 18 или в 60 лет.

Содержание

1. Прощай, Америка	5
2. Приём Владивостока	16
3. Стюардесса	25
4. Художник	30
5. Приключения под гитару	35
6. Муха	44
7. Неизвестный	49
8. Кактус и цитрус	53
9. Спасение	58
10. Свет	63
11. Леониды	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Потерянное имя

Приключения, поиск себя.

**Что может подсказать
тень твоего имени...**

Вета Ножкина

© Вета Ножкина, 2021

ISBN 978-5-4474-1795-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Прощай, Америка

Самолёт набирал высоту. Щекотало в груди и голове от перепада давления. Микаэл, скосив глаза вправо, в сторону иллюминатора, зацепился за первую попавшуюся мысль о взлёте, и начал её раскручивать: «Если перенести модель полёта на человеческую жизнь, то взлёт, наверное, подобен родам... Перегрузка... Через несколько часов я стану вновь народившимся... Воспоминания – удивительная штука: хаосно скачут от картинки происходящего вокруг, отталкиваясь своими тоненькими жгутиками и улетаая по своей гуляющей траектории в прошлое или бессознательное. Там, в бешеной скорости не успеваешь сообразить – комфортно тебе или нет, и вообще, присутствуешь ли там... Неудобно рассматривать через соседку происходящее за стеклом иллюминатора. К тому же иллюминатор почти на уровне её еле прикрытого впечатляющего бюста. Соседка может подумать, что он пялится на её прелести. Но Микаэл не такой. Он – скромный. К тому же – учёный. Он уже десять лет работает в научно-исследовательском институте. Ему интересно анализировать всё происходящее. «И зачем ей такой заманчивый вырез на платье? Нет, надо думать о другом... например...». Он наблюдал за движением облаков за иллюминатором, как раз одно расслоилось, отрываясь клочьями и ровными резаными слоями, изогнулось волной, закрути-

лось спиралью, маня за собой другие облака, и тут самолёт слегка накренился, предоставив на обозрение новые формы. Специальность Микаэла вовсе не связана с облаками, она более земная, глубинно-земная – растения и их адаптация к различным климатическим условиям. «Вот облако, похожее на его любимое растение – Мисадимиус долголетний. Широколистное, с величественно-утончённым стеблем, покрытым узелками, в которых и кроется секрет его десятилетнего исследования. Взгляд потянул линию сопоставления куда-то дальше-выше... Микаэл вытянул шею. Соседка по креслу повернула голову и уставилась на молодого мужчину, который, по её мнению, с самого взлёта вёл себя крайне странно, не сделав ни одной попытки заговорить с ней. Микаэл от удовольствия рассматриваемой картинке приоткрыл рот, брови поднялись, и в этот момент услышал откашливание. Он перенёс взгляд на глядящую на него в упор соседку. Плечи его тут же опустились, вжимая тело в кресло, а на лице растянулась извиняющаяся улыбка:

– Извини-те...

Оповещающее табло звякнуло предложением расстегнуть ремни безопасности. Микаэл нащупал на подлокотнике кнопку и откинул спинку кресла, закрыл глаза и представил себе продолжение движения облаков... «Вот ведь как необычно устроена наша планета – люди научились вмешиваться во многие процессы. Научиться бы управлять стихиями – тогда человека можно было бы назвать всемогущим.

А так – кто мы? Кто я?...».

Одно на другое набежали воспоминания предшествующих поездке событий. Вот он у себя в лаборатории – открыл контейнер с экспериментальными экземплярами ростков Мисадимиуса. Они уже неоднократно подвергались воздействию пониженной температуры. И – о, чудо! – за последние восемь лет исследований, это уже вторая проба с положительными результатами. Значит, сможет его растение, так необходимое фармацевтике и медицине, дать размножение в резко континентальных условиях, непривычных для неё по климату Америки. Вот его дружески хлопает по плечу генерал – он же ректор исследовательского института разведывательного управления, – и вручает Микаэлу конверт с заданием.

Моника, конечно, ничего не поняла из того, что пытался объяснить ей Микаэл об отъезде в российскую глушь на продолжительное время. Моника темпераментно поскандалила, собрала вещи и, высказав Микаэлу все претензии, кинув напоследок – «неудачник и... крючок», хлопнула дверью.

Микаэл себя не считал неудачником, и почему «крючок» – не понял, поэтому улыбнулся вслед Монике. Запинаясь о раскиданные по квартире вещи, подошёл к окну, чтобы то ли помахать напоследок, то ли просто запечатлеть убегающую теперь уже бывшую невесту. Но почувствовал, что, наверное, это будет неправильно ею расценено, и уже поднятую для взмаха руку, он прижал к губам. Моника бросила

взгляд в окно...

– Паршивец... он даже расставаться не умеет, – крикнула она.

Затем изобразила на вскинутой руке кукиш с выставленным пистолетом средним пальцем, демонстративно хлопнула дверью машины и резко рванула с места...

– Мне томатный сок, – услышал Микаэл женский голос справа.

Открыл глаза, видя, как стюардесса передаёт бокал с соком соседке. И в этот момент у Микаэла до нестерпения зачесалось в носу:

– А-а-апчхи... – рука автоматически потянулась, чтобы прикрыть рот, но навстречу руке попался стакан с томатным соком, который волнообразно понёс движение поднимающейся красной жидкости, превращая её, как в замедленной съёмке, в заострённые по краям шпильки. «Плюм» – жидкость плюхнулась на лицо.

– Извини-те... – произнёс Микаэл, облизывая губы, и чувствуя, как струйка потекла по коже на груди, просочилась через его лимонного цвета рубашку, подаренную на прошлый день рождения мамой.

– Это вы меня извините, – залепетала соседка, пытаясь салфеткой вытереть растекающийся сок на лице и руках Микаэла.

– Я вас... простите... – Микаэл даже слегка обрадовался, разглядывая соседку и убеждаясь, что на неё не упало ни

капли.

Стюардесса виновато смотрела на Микаэла:

– Пройдите, пожалуйста, в туалетную комнату, я вам принесу во что переодеться...

– Спасибо, – сказал Микаэл и стал вытаскивать себя из кресла.

Сидящие рядом не могли упустить такой развлекающий момент полёта, поэтому, кто сочувствующе, кто брезгливо, а кто оценивающе – пялились одновременно на стюардессу, Микаэла и его соседку.

Протискиваясь по узкому проходу к туалетной комнате, Микаэл старался не задеть никого своим лимонно-красным нарядом. Но так затекли от долгого сидения ноги – ведь полёт длился уже около трёх часов, – что Микаэл не удержался в какой-то момент, еле сдерживая подступившую судорогу в голени, и повалился на сидящего пассажира.

– Куда прёшь!?! – раздался злой баритон, и вслед ему вторящее писклявое сопрано:

– Поосторожнее... не видите, люди сидят...

– Извини-те, извините, – скалил улыбку Микаэл.

Очередь стоящих в туалет расступилась, пропуская облитого соком вперёд. Микаэл почувствовал неловкость, но воспользовался предоставленным правом. Как только он запер за собой дверь – выдохнул и опустился на крышку унитаза.

– Oh my God...

Снимая рубашку, он смотрел на себя в зеркало и, как

на автомате, стал повторять инструкцию – «...агент не должен привлекать к себе внимание. В создавшейся критической ситуации необходимо соблюдать спокойствие и выдержку... Спокойствие и выдержку».

В дверь постучали:

– Простите, господин э... Возьмите чистую рубашку, и передайте мне запачканную...

Микаэл уже разделся. Открыл дверцу, к нему просунулась рука с пакетом. Микаэл забрал предложенное. Рука не исчезла, и веерные движения пальцев показали – сделать чейнч. Лимонно-томатный цвет растворился за закрытой дверью. И в этот же момент загорелась красная лампочка с надписью «Вернитесь на своё место. Пристегните ремни». Самолёт стало подтрясывать. Ощутимая вибрация не давала равновесия. Микаэл взял в зубы пакет с футболкой, нашёл пять точек опоры и в таком положении решил переждать турбулентность. В дверь настойчиво постучали и послышался голос той же стюардессы:

– Вернитесь на своё место!

– Ооуу, – проговорил сквозь пакет в зубах Микаэл, потом попытался осторожно положить его на трясущуюся полку рядом, но пакет упал, а освобождение рук шатнуло и самого Микаэла, ударив об одну стенку, потом о другую.

– С вами всё в порядке? – верещала за дверью стюардесса.

– Я не могу! Я не одет... – почти прокричал Микаэл.

Минуты через три турбулентность закончилась. Мика-

эл достал предложенную футболку. Она оказалась красного цвета. Микаэл ещё раз покрутил в голове инструкцию «одеваться скромно, не привлекая к себе внимания», вздохнул, надел её и вернулся на своё посадочное место.

Оставшуюся часть дороги Микаэл попробовал провести в полудрёме – «не привлекать внимания... не привлекать внимания...». Соседка ёрзала в кресле, то закрывая, то открывая шторку иллюминатора, громко вздыхала, поглядывая в сторону Микаэла и пыталась завести разговор:

– Вы простите меня. Так неловко! Так неловко!

– Ничего, ничего... – сказал Микаэл и прикрыл глаза, давая понять, что ему хочется спать.

– А, может быть, вы пересядете к окну? – слегка притрагиваясь к плечу Микаэла, тихо проговорила соседка.

– О, нет-нет... – Микаэл открыл глаза, и даже слегка испугался неожиданному предложению.

Он нахмурил брови. Снова закрыл глаза. И уже было, сосредоточился на сне, как вдруг в голове его пронеслась мысль: «А что, если она таким образом попросила его пропустить её, например, в туалет, а он не догадался...».

Микаэл сглотнул воздух. Открыл глаза, потянулся. И, как бы невзначай, предложил соседке:

– Давайте меняться! Вы не против?

– Да... я конечно... – начала лепетать соседка, уже приподнимаясь из кресла.

Микаэл галантно вышел в проход кресел, предполагая,

что соседка выйдет вслед за ним. Но она просто переползла в кресло Микаэла, давая понять, чтобы он протиснулся на своё сиденье через неё. Ситуация была более чем невнятна.

«Перешагнуть? Но это неприлично! Попросить её встать? Это крайне неприлично...»

– Проходите-проходите... – указала соседка, и, видя смущение на лице Микаэла, привстала, высвободив узкий проход.

Микаэл, протискиваясь, почувствовал дыхание соседки и лёгкий её вздох, перетянутый жеманной улыбкой:

– А-ах... ничего-ничего, проходите...

«А она – ничего...» – подумал Микаэл, разглядывая и даже ощущая уже совсем близко поднимающуюся вместе с дыханием грудь соседки, которая на мгновение замерла.

Как собака, швыряя носом, дама обнюхала соседа и, на выдохе, вытянула из себя:

– Вам так идёт красный цвет...

– Хм... – только и произнёс Микаэл, сконфузился и как можно быстрее плюхнулся на теперь уже своё новое место.

«Вот, всегда так, – думал он, – Надо бы быстро сообразить, что сказать в ответ, чтобы она увидела, какой он умный, но почему-то это никогда не получается...». Микаэл с чувством обречённости вздохнул, а соседка в это время отвернулась, разглядывая сидящих напротив пассажиров.

Ничего более не оставалось, как уткнуться в иллюмина-

тор. Облачность уже успела слегка рассеяться, оголяя то там, то сям серо-синее поле океана.

Микаэл, разглядывая рисунок водной глади, опрокинулся в воспоминания и даже защемило от желания, как в детстве, вернуться домой.

Мама иногда называла его «Мишенька». И от проговаривания ею этих пряных букв хотелось уткнуться в её грудь, подёргивая носом блаженный запах младенчества. Отчиму это имя не нравилось, и он дразнил пасынка, ставя ударение на второй слог – «Мисе/нька, Мисе/нька...». Микаэл убежал в сад и плакал, сидя под своим любимым раскидистым деревом делоникса, дарящего в долгом цветении свои кровавые, или как мама говорила «кумачёвые» краски. Там она его и находила. Успокаивала и обязательно что-нибудь рассказывала из картинок прошлой жизни. И охотно, в сотый раз по просьбе Микаэла – об отце его, который был из русских иммигрантов, и который после рождения Микаэла куда-то исчез. Мать была уверена – он вернулся на родину, потому как много ностальгически рассказывал о ней. Вестей никаких об отце не было. Но мать не держала на него зла, помня своих родителей, которые сами приехали в Америку из России в семидесятых, и, вживаясь в новое общество, много сладких историй рассказывали ей об СССР. К тому же, вскоре мама вышла замуж за своего начальника по службе, коренного американца, который не мог иметь детей, потому сам предложил усыновить Микаэла. Повзрослев, юно-

ша очень легко поступил в институт. Его всегда привлекали естественные науки. Мать рассказывала, что и его родной отец занимался разведением необычных сортов растений, и видимо, Микаэл унаследовал что-то от отца, с удовольствием занимаясь экспериментами. А после института он легко поступил в магистратуру, потом в аспирантуру. И когда ему предложили завербоваться в американскую разведку и работать на благо нации, Микаэл воспринял это как само собой разумеющееся – работать на интересы родины.

– Господин э..., возьмите... – Микаэл открыл глаза и улыбнулся.

Наклонясь через соседку, стюардесса ему протянула чистую отутюженную лимонную рубашку:

– Простите, очень прошу, за неудобства... Вы можете оставить у себя футболку... И если можете, ещё раз простите...

– О, да... то есть, нет. Спасибо, – бормотал Микаэл и прятал глаза, принимая рубашку из рук стюардессы.

– Хм, – хмыкнула соседка, провожая взглядом удаляющуюся стюардессу, – А я бы пожаловалась куда надо... Какое у неё имя на бэйдже? Кажется, Алевтина... Надо бы записать. Если её и не уволят, так может, мне компенсацию какую дадут..., – помолчала и добавила, – За доставленные неудобства.

– О, что вы, нет! – возразил Микаэл и снова вспомнил инструкцию «не спорить, не привлекать к себе внимания»,

и отвернулся к иллюминатору, так и не выпустив до самой посадки из рук лимонную рубашку, упакованную в прозрачный пакет.

2. Приём Владивостока

Аэропорт Владивостока встретил Микаэла вполне дружелюбно, приветствуя прибывших на английском, русском и японском языках. Микаэл прошёл вместе со всеми пассажирами к паспортному контролю.

Соседка по самолёту уже прошла контроль и приветливо махала рукой кому-то там, вдалеке, за стеклянной перегородкой.

«Встречают, – подумал Микаэл, – я меня кто теперь встретит...».

– Следующий! – прошипело над ухом.

Микаэл вздрогнул и увидел вперившийся в него серьёзный и безэмоциональный взгляд таможенника.

Положил паспорт на стойку.

– Отойдите на метр! – проговорил голос в радиопередатчике.

Отошёл.

– Не улыбайтесь! – проговорил тот же голос, прицельно вглядываясь поочерёдно то в паспорт, то в лицо Микаэла.

– Цель прибытия?

– Что? – переспросил Микаэл и улыбнулся, потом вспомнил, что улыбаться нельзя и губы задёргались.

– Цель при-бы-ти-я? – проговорил тот же голос, отделяя слоги.

– Мм... наука, – произнёс Микаэл, зачем-то закивал головой и снова улыбнулся.

– Проходите! Следующий!...

Выдачу багажа пришлось подождать. У транзитников, таких как Микаэл, летевших из Америки с пересадкой в японском аэропорту Нарита, груз должен был прибыть другим рейсом.

Инструкция гласила «Ничему не удивляться. Терпение и спокойствие. О перемещениях сообщать каждый час». Микаэл достал блэкберр и отправил позывной прибытия.

Получив багаж, Микаэл вышел в здание аэропорта, все ходы и выходы из которого уже несколько раз ранее прогуливал ещё до перелёта. Уверенно направился в сторону выхода и, выйдя на площадку перед зданием, вдохнул полной грудью такой незнакомый воздух. Что в нём было? «Может быть, память крови? А может быть, это воздух расставания?». Микаэл несколько секунд постоял в задумчивости и огляделся по сторонам. Вверху на здании надпись «Vladivostok international Airport», подведённая красной линией. Рядом ещё одна надпись – «Vladivostok-Knevichi». Впереди – тучей идущие прямо на Микаэла люди, бойко выкрикивающие:

– Такси! Такси до города!

– Квартира недорого...

– Гостиница в центре...

– До Артёма на посадку одно место...

Микаэл продрался сквозь напирающих, и оказался прямо

перед стоянкой такси.

Автобус с номером «107» стоял тут же неподалеку. Кучкующиеся пассажиры толпились у входа в автобус. Микаэл поискал глазами автомат для билетов, не нашёл его и двинулся к автобусу.

Таксист Бублик издалека заприметил своего потенциального клиента, лоснящегося и сияющего, как отутюженные без марли брюки. Он вальяжно помахал оглядывающему площадь перед зданием аэропорта пассажиру:

– До города? Я свободен! Легко, с ветерком и недорого, вон моё малиновое такси, – бесцеремонно подхватил чемодан Микаэла и показал на машину.

Микаэл улыбнулся Бублику:

– Нет-нет, благодарю! Мне на автобус.

– Зачем вам, такому приличному человеку, автобус? Да я вас мигом доставлю, куда вам, в город? – не давая проявлять инициативу, напирал Бублик, – Меня, кстати, Лёха зовут, а тебя?

Микаэл, действуя по инструкции, попытался опередить атакующего таксиста:

– Извини-те, меня должны встретить...

Бублик притормозил, поставил чемодан на асфальт:

– Ну, так бы сразу и сказал! Ну, давай, друг, покедова... Но, если чего – я рядом, вон моя малинка... – ещё раз показал в сторону машины.

Микаэл, довольный тем, что первая, какая-никакая побе-

да выиграна, посмотрел на таксиста, извиняюще скорчил выражение на лице, и, подхватив чемодан, смешался с движущейся к остановкам автобусов толпой.

Автобусы, в ожидании отправки по маршруту, быстро наполнялись пассажирами. Контролёр, покрякивая на входе в автобус, поторапливал входящих:

– Рассаживайтесь быстрее, кучнее-кучнее... Ваш билет? Ваш?

– Где купить билет? – проговорил быстро Микаэл, обращаясь к поднимающейся на ступеньку грузной пожилой женщине, но та, кряхтя, еле подтягивая ноги, не ответила, как впрочем и шарахнувшийся от этого вопроса следом стоящий мужчина.

«Может, им непонятен мой диалект? – подумал Микаэл, – Надо пройти в здание, и осмотреться там...»

В здании автовокзала шёл ремонт. Снующие туда-сюда мужчины и женщины в синих перепачканных разными цветами, и в основном белым, спецодеждах, были здесь словно цари положения. Один оттолкнул Микаэла плечом, другой чуть не опрокинул на него ведро с грязной жижей, третий, проворачивая пальцами и приминая около губ дымящийся окурок, сощурил один глаз от струи дыма, другим впялился в чистенького и слегка растерявшегося пассажира:

– Чё встал, как истукан?! Не тормози.

– Сникерсни, – раздался гогот откуда-то сзади и его подхватили ещё несколько, и в этот же миг грубый, кашляющий

смех откуда-то из-за плеча пробулькала:

– Сторонииниись! – и мимо прогрохотала тележка, на которой грудой лежали наваленные кафельные плитки.

– Простите, где купить билет?

– Иностранец, что ли?

«Точно, у меня диалект», – подумал Микаэл, уставившись улыбающимся лицом на того из рабочих, что оказался всех ближе.

– Точно иностранец! Тюда, тюда гоу, там тикет, – коверкая слова и указывая ладонью направление куда-то вглубь, за баррикады стройматериалов, откуда раздавался гул какого-то движения.

Немного поплутав между наваленными вёдрами, банками тележками и прочим строительным барахлом, Микаэл вышел в просторный холл с двумя колонами посередине. Спёртый воздух ударил в нос. Народу здесь было около сотни. Ожидающие рассортировались по кучкам, змейкам, одиночным точкам, сидящим или опершимся на багаж, молча или разговаривая с рядом стоящими. Чуть поодаль, на узлах, чемоданах восседали черноволосые женщины в разноцветных платках у кого на плечах, у кого подпоясанных. Их широкие юбки напоминали маскарадные наряды Кармен. Вдоль стен, за огороженными кабинками стояли, разговаривали и молчали работницы касс. На их шеях, у кого аккуратно, у кого набок болтались одинаково-жёлтые галстучки-косынки, как у скаутов. Пронумерованные окошки касс с направлениями

маршрутов рядом с цифрой имели крупную надпись «Перерыв с ...», а дальше у каждой кассы значились разные цифры времени перерыва.

– Эавтобус эна Владивосток эотправляется эсо второй эплатформы. Эавтобус эна Владивосток эотправляется эсо второй эплатформы. – проговорил громкоговоритель женским скрежещущим голосом.

Микаэл подошёл к окну с надписью «Владивосток». Змейкой тянущаяся очередь встревожилась, оживилась и надавила своей тяжестью взглядов на подошедшего.

– Билет купить здесь? – Микаэл спросил у стоящего у окна мужчины в кепке.

Кепка не шевелилась, только взгляд слегка покосился на Микаэла, но рот ничего не произнёс. В тот же момент надвигающейся волной со всех сторон наплыла шипением и разнотембровыми звуками длинная-предлинная фраза:

– Очередьзанимайвсеенаровятасвидуприличныйхамвсе-тутнавладикаонишькакойнашёлся...

Микаэл интуитивно понял, что его вежливо просят отойти от окна, иначе сию минуту что-то произойдёт. Спасением стал внятный возглас подростка, пропищавший откуда-то издалека:

– Дяденька, я крайний.

Микаэл как можно быстрее пристроился за пареньком, не преминув по ходу споткнуться о чью-то сумку, выдохнуть, улыбнуться и извиниться.

Микаэл осмотрел стоящих. Впрочем, этим были заняты все – воткрытую или исподтишка рассматривая друг друга. По привычке, он машинально достал из кармана блекберр, и взгляды толпы, превратившиеся в одну большую любопытную физиономию, впилились в его руку, будто рука хотела сделать что-то неприличное. Микаэл быстро набрал входной пароль, отправил дежурное сообщение. Убрав аппарат в карман, облегченно вздохнул и снова улыбнулся той части любопытствующих физиономий, которая не сводила глаз с Микаэла, особенно среди женщин в юбках от Кармен и тех, кто выглядывал из-за колонн.

Ему даже слегка понравилось дирижировать вниманием стоящих. Микаэл засунул руку в карман лёгкой курточки и, как по команде, взгляды всего зала сосредоточились на его руке. Вынул пачку с салфетками, и мужские взгляды рассредоточено поплыли в стороны, а женские продолжали любопытствовать, как будто одна говорила: «Мужик, а с салфетками», а другая «Он их открывать-то умеет?», третья: «Что-то я у нас таких салфеток не видела», и ещё одна: «...интересно, чем они пахнут...»...

Примерно через час выяснилось, что в этом окошке не просто перерыв, а «Технический перерыв». Что это такое, спросить было неприлично, это могло навести подозрения на него, как на объект. Микаэл почувствовал, что он будто пригвождён к этому месту, ведь только отсюда он сможет двинуться в нужном направлении. И, одновременно, всё

большая уверенность, что за ним наблюдают все находящиеся в зале, создавала невероятный дискомфорт, от которого хотелось каждому стоящему здесь, ну, хотя бы улыбнуться.

Через два часа стояния, Микаэл почувствовал в себе невероятный прилив желания что-то немедленно изменить, но как это сделать, не мог понять.

«Придётся воспользоваться малиновым такси, если таксист, конечно, ещё ждёт...» – подумал Микаэл, и извиняясь, стал пробираться сквозь толпу стоящих и ожидающих, к выходу.

Бублик отирался здесь же, неподалёку, психологически рассчитав, что никуда не денется от него лощёный пассажир, похожий на иностранца. И как только Микаэл вышел из здания вокзала, оглядываясь по сторонам, и вбирая полной грудью воздух, Бублик уверенной походкой направился к нему:

– А я что говорил, – начал он первым, – Ты ведь не местный, а тут свои порядки... Вот время потерял зря, уже бы по городу разъезжал... Ну, что, поехали?

Микаэл улыбнулся и кивнул.

«Вот олух» – подумал Бублик, растягивая улыбкой губы, открывшие корявые с тёмным налётом зубы, и берясь за ручку чемодана:

– Давай, помогу.

Коварный план Бублика всегда состоял из одной и той же схемы: пассажир садится в такси на переднее сиденье, отъедут на несколько километров, на трассе подсаживается ещё

один пассажир, Бублик конечно, из вежливости, спросит у пассажира разрешения, подбросить ещё одного, а через несколько минут пассажира выкидывают из машины без чувств, отравленного хлороформом.

Микаэл почувствовал что-то неладное в поведении Бублика, как только тот издали заприметил подсадного. Микаэл предложил не останавливаться, но Бублик, не ожидая такого поворота, слегка растерялся и зло проговорил:

– Ты, это, не обижайся, но я не могу человека с трассы не забрать, правила у нас такие, понимаешь...

Микаэл не смог возразить против правил.

А когда к нему сзади протянулась рука с мокрым платком, в считанные секунды, как его учили на занятиях по самообороне, сделал блок рукой. Но хваткая рука сзади уже протянулась ко рту. Микаэл пустил в ход зубы, цепко схватившись в руку, за что получил удар чем-то твёрдым по голове...

Бублик с напарником раздели Микаэла, оттащили тело подальше от трассы.

– Вот сука, ещё и укусил меня, – зажимая рану на руке, выругался напарник.

И малиновое такси хлопнуло дверцами, закрипело галькой под колёсами и рвануло с места.

3. Стюардесса

Стюардесса Алевтина после рейса спешила домой. Она любила эти минуты возвращения, когда впереди три дня отдыха и можно заняться, наконец, собой и облагораживанием своей двушки, до которой всё никак руки не доходят.

Она быстро раскидала содержимое своего аккуратного чемоданчика стюардессы.

– Та-ак, это в стирку, а это – сюда, – вытаскивая упакованные по-магазинному, с этикетками, вещи и складывая их в большой баул, стоящий около шифоньера.

Раздался телефонный звонок:

– Алло... о, привет, а я как раз тебе хотела звонить... Привезла, привезла, всё как ты просила... Слушай, я ещё взяла немного детской одежды, может посмотришь, как её будут брать, тогда я налажу и эту линию, а то на нижнее бельё уже смотреть не могу... – смеётся, будто ребёнок, радуясь тому, что говорит ей кто-то по телефону, – Ладно, подруга, ты сегодня пришли своего хахалю, пусть он заберёт новую партию, и у меня с прошлых двух поездок уже накопился целый баул вещей. Процент, как всегда. Цены я не убирала... Хорошо. Пока...

Алевтина положила трубку, доутрамбовала вещи, и прошла на кухню, забрав с собой привезённые пакеты с продуктами.

Алевтина считала, что ей крупно повезло с квартирой. Ну, посудите сами: приехала в город из посёлка четыре года назад молодая девушка – только-только выпускница школы. И первое же объявление о курсах стюардесс стало для неё счастливым билетом, который она смело вытянула и, практически, заткнула себе за пояс. Вначале, конечно, трудно было. И пояс на самом деле пришлось затянуть на самую последнюю дырочку. Это для того, чтобы фигуру не потерять. Хотя Алевтина и так была стройная, высокая и на личико смазливенькая, как говорили о ней в посёлке. Шиковать первое время не на что было. Комната в общежитии стоила копейки по сравнению с хорошей стипендией. Стюардессы, которые уже отучились, вышли в рейсы, и некоторые жили здесь же в общежитии на верхнем этаже, Алевтине сразу дали понять, что не видать ей престижных рейсов, если она кому надо не заплатит, ну, то есть, взятку не даст. О сумме взятки никто не говорил вслух. И в воздухе витало, что денег надо ого-го! Алевтина решила копить деньги, и какая бы ни была сумма – дать её кому положено. Только так она мыслила вырваться из круга проблем своей юности. Не хотелось ей повторять судьбу своей матери, которая всю жизнь с отцом прожили в посёлке, где единственным развлечением был местный клуб и лавочка у дома. У матери даже ни одного приличного платья не было, разве что пестрота цветочков в разнообразных выцветших халатов: повседневного, для огорода, банного и праздничного. И Алька, как её по-простому

звали, ещё когда в восьмом классе училась, поделилась планами со своей лучшей подружкой – Верой:

– Ты как знаешь, а я не собираюсь в этой дыре пропадать...

– Ой, Алька, а куда денешься? – смеялась над ней Вера.

– А вот и денусь! – гордо заявляла Алевтина. Чёткого плана она пока не имела – так, намётки. А более уверенная Вера буркнула:

– А я пойду в школу работать в младшие классы, мне наша классная сказала, что меня и без образования возьмут.

– Без образования – это временно! Комиссия какая-нибудь нагрянет и попрут из школы.

– И не попрут! Преподавать-то некому! – стояла на своём Вера.

Сразу после выпускного Вера пошла работать в школу, Алевтина же уехала во Владивосток – один из самых близких к границе крупных городов. Там у неё дальние родственники ютились в однокомнатной квартирке вчетвером, но Алевтине временный угол на кухне выделили – и на том спасибо.

К тому моменту планы Алевтины уже определились: поступать в институт даже и пробовать не станет, только время потеряет. А вот в какую-нибудь шарашку – училище общепита, например, почему бы и нет.

А родственница Алевтины вечером принесла весть от приятельницы, что набирают молодых высоких девчонок

в группу обучения на стюардесс. Вот только знать хорошо английский надо. И учиться всего два года. Алевтина с Верой лучше всех в классе английский знали – легко и переводили, и разговаривали. Напрактиковались у поселкового Садовника, которого все чудоковатым, но уважаемым за знания в посёлке почитали. Вместе они любили вечерами ловить американскую волну – песни переводили. Хотя преподаватель у них в школе был не совсем ахти, но зато с Садовником повезло, английский знал – будь здоров.

Ну, что поделаешь – в посёлок никто не хочет ехать. Вот и приходилось поселковым находить свои резервы, добывать ум-разум каждому по-своему.

И вот пришла Алевтина на собеседование на эту учёбу в стюардессы. Красивая, высокая. Юбочка коротенькая – как родственница советовала. Ноготочки бесцветным лаком покрыты. Стрижка гарсон на тёмных коротких волосах кокетливо уложена плойкой. Преподаватели только взглянули на Алевтину и уже готовы были её принять. А как она по-английски-то им речь двинула – они и рты пооткрывали. Так и поступила.

А потом один из преподавателей на Альку глаз положил. Старый он, правда, был для Алевтины. Да и женат. Но девушка понимала – это её шанс закрепиться в городе. Потому Алька смекнула, что надо из этого ухажёра извлечь предельную пользу. И вскоре она уже жила в собственной квартире. Ну и что, что встречалась там со старым любовником –

зато забот было меньше. И Алексей Алексеевич постарался, чтобы Альке по окончании курсов дали престижное место на международном борте. А тут жена Алексей Алексеевича про отношения своего мужа разузнала, ну и чтобы скандал замять, пришлось любовникам расстаться. Алексей Алексеевич горевал и даже хотел с женой развестись, но Алевтина ему заявила, что детей рожать не намерена, что для неё важнее карьера. Детей старик любил и потому отпустил Алевтину восвояси и напутствовал, чтобы она хоть иногда о нём вспоминала.

4. Художник

Алька только рада была такому повороту событий.

К тому же в это время она познакомилась с чудаком-художником Николаем. Как-то забрела на частную художественную выставку. А там – бомонд. Все такие важные. И она сразу заприметила высокого темно-русого молодого мужчину лет тридцати. Он стоял одиноко, но раскрепощённо, где-то почти по центру большой залы. Покачивая одной рукой бокалом с напитком, а другую руку держа в кармане джинсов, он то и дело поглядывал в сторону Алевтины. «А он ничего...», – подумала Аллька, – вот только хлипкий по телосложению. Но такой важный... Наверно, он точно художник». И Аллька подслушала разговор:

– Николай – перспективный художник!

– Да... ему бы не здесь родиться...

– Ну, ничего, проведёт одну-другую выставку – так, поди, заприметят! Вот увидишь, всё у него будет – и слава, и деньги.

«Деньги бы ему не помешали – смотри-кась, в чём он одет, глядеть тошно» – подумала Алевтина.

Пробежалась взглядом по картинам, ничего особо не понимая в живописи, пристроилась поудобнее, чтобы рассмотреть подробнее молодого перспективного художника. Вязаная в крупную сетку кофта смотрелась на худощавом теле

оригинально, но не более того. Алька уже получала хорошую зарплату и не отказывала себе ни в чём. У неё защемило под сердцем. Глядя на художника, она поджала губы и начала мысленно примерять на него всяческие заграничные шмотки, которые они с подружками-бортпроводницами привозили из рейсов и сдавали в престижные бутики за приличные деньги, в основном за валюту.

И у Алевтины созрел план – познакомиться с Николаем.

Это оказалось не сложно. Она смело подошла к художнику:

– Вы не могли бы мне помочь...

– Да? Я весь – ухо!

Николай уставился на Алевтину, готовый и внимающий словам красивой брюнетки.

– Я хотела бы приобрести вашу картину...

Глаза Николая загорелись яркими огоньками жареного миндаля.

– С удовольствием! Какую? Сударыня изволит указать?

Алевтина крутанулась вокруг, быстро окинув взглядом все работы зала и ткнула пальцем в первую попавшуюся. Николай поник взглядом:

– Мм... эту?... Это вам не ко мне... Воо-он, видите молодого человека в клетчатой жилетке, это его работа.

Николай быстро отвернулся и зашагал прочь. Алевтина, подобно рыбе на картине, на которую ткнула пальцем, начала открывать рот и, заглатывая воздух, закрывать его, глядя

выращенными глазами вслед удаляющемуся художнику.

«Вот, дура!» – ругала она саму себя, – «Ведь надо было узнать фамилию, и картину выбрать... Здесь оказывается, несколько художников выставляются...». И в этот момент увидела, как к ней направляется тот самый, в клетчатой жилетке, видимо, увидевший движение около своей работы.

– Вас интересует моя картина?

«Господи, что я здесь делаю, ведь ни шиша не понимаю в искусстве!» – вопила внутри себя Алевтина.

– Спасибо, я спрашивала, как называется эта работа...

Художник вальяжно улыбнулся:

– Они все подписаны. А это – моя крайняя работа «Красный этикет завтрака».

– Как вы сказали – крайняя?

– У нас не положено говорить, – и он почти прошептал слово, подойдя очень близко к Алевтине – «последняя»... Сглазить можно...

– Ммм... – Алевтина глубокомысленно задрала голову и перевела взгляд на картину, только теперь по-настоящему разглядывая её.

– А почему «завтрак»?

– Ну, это никак не обед и не время ужина... Её сочный окрас символизирует прорыв, протест, с которого должно начинаться именно утро жизни, в котором – тепло, и уют, и энергия.

Алевтина закивала головой, давая понять, что она уви-

дела в картине всё, о чём ей только что поведал художник. И тут она наконец-то заметила надписи рядом с картиной. А вот – с другой, вот – с третьей.

«Там же написаны полные имена художников...». И Алевка пошла искать надпись с именем Николай. Ей виделось, что её предстоящая опека должна касаться именно его – что-то зацепило во взгляде, что-то показалось таким близким. Может быть, мысленная примерка на него одежды.

Нашла. Нашла одну картину, а рядом с ней другую. Цены оказались не очень высокими, и Алевтина тут же распорядилась управляющему выставкой и сообщила своё намерение – купить все картины художника Николая Хабарова.

– Отлично! Отлично! – тараторил управляющий, – Пройдёмте, оформим сделку, и после окончания выставки, вам доставят работы, куда изволите.

И надо же было такому случиться, чтобы через месяц картины Алевтине привёз сам Николай.

Её заранее предупредили – когда доставят покупку. Алевтина уже распланировала – где какую повесит. В дверь позвонили. И уже на пороге произошла немая сцена: Николай сразу вспомнил лицо Алевтины. С его профессиональным взглядом даже двух секунд хватило, чтобы восстановить сцену в галерее. Выйдя из оцепенения, он, пряча неловкость, проямлил что-то типа «куда поставить...».

Так и познакомились. И уже вечером ужинали вместе, а утром – завтракали тоже вместе.

Николай оказался одиноким человеком. Он жил с родителями, арендовал мастерскую-студию, которая была настолько маленькой, что в ней готовые работы, наброски хранились во встроенных прямо в стену ящиках, напоминающих огромные ульи, в которых устанавливалось несколько поперечных лотков с сотами. Здесь же мольберты, стеллаж, банки с красками, рулоны и листы бумаги, полотна, кисти, химикаты, грунтовки, порошки и прочая разнокалиберная мелочь, необходимая для создания творений.

Алевтина очень быстро окружила опекой Николая, ей доставляло удовольствие быть полезной для него и чувствовать свою причастность к искусству.

Алевтину забавляли посещения всяческих творческих сообществ. Она охотно принимала приглашения на вечеринки, когда возвращалась из рейса, и нужно было чем-то занятным заполнить время.

Так произошло и в тот день, по прилёту из рейса «Нарита-Кневичи».

5. Приключения под гитару

Только она успела по приезду принять душ, раздался звонок в дверь. Николай стоял на пороге:

– Алька! Быстро собирайся – две футболки и джинсы, больше ничего не бери, ну, купальник разве...

– Да подожди ты... Я ещё даже волосы не высушила, а ты меня уже куда-то тянешь... Куда, хоть скажи?

– К бардам – на фестиваль. Я же тебе рассказывал, что познакомился с бардом Кешей. Отличный парень!

– Ой, слышала я про этих бардов – ноют всякую чушь...

– Нее... ты, видимо, не тех слушала! Меня Кешка недавно водил на их концерт, там один Вениамин выступал – мастер! У них же тоже, представляешь, как и у нас – разные течения...

– Да, ну?! – Алевтина включила фен и, глядя в зеркало на себя и одновременно на что-то говорящего и размахивающего руками Николая, ничего не могла понять из его слов, но это не раздражало. Алька любила наблюдать за самозабвенностью Николая и гордилась тем, что находится рядом с таким талантом.

Выключала фен и услышала обрывочное:

– ...в одной палатке мы с тобой, в другой... – фен снова включила.

Фен жужжал, Алевтина укладывала волосы, рассматрива-

ла жестикулирующего и закатывающего глаза Николая и думала: «Вот угораздило ж меня втюхаться в этого совсем не приспособленного к жизни художника. Зато у него сердце доброе...».

Алевтина улыбнулась и выключила фен.

– ...а вечером картоха на костре, и песни под гитару...

– А на чём поедем? – задала практичный вопрос Алевтина, – Надеюсь, не на твоей раз...

– Раскрасавице моей...

Алевтина вздохнула:

– Когда ты уже себе нормальную машину купишь?!

– Ты же знаешь, что я непривередлив, мне в жизни не нужны излишества...

– Ладно уж, поехали... «без излишеств»...

И уже ближе к вечеру Алька, Коля и новый друг Николая Кеша – сидели на поляне около своих палаток. Кругом всё видимое пространство было утыкано такими же яркими палатками. Где-то вдалеке слышны передаваемые объявления:

– Участникам второго тура конкурса собраться у третьей сцены... участникам второго тура конкурса собраться...

Кеша важно ходил по периметру между палатками, то доставал, то снова прятал в палатку гитару в чехле. Алевтина заметила метания Кеши:

– Кеш, а ты чего не идёшь в конкурс? – Алька кашеварила у примуса, пробуя содержимое котелка на соль.

– Ай, – я этих конкурсов посмотрелся за свою жизнь!

Больше ни в один не пойду!

– Чего так?

– Да, понимаешь, я душой песни пишу, а им, ну этим – организаторам, – Кеша кивнул куда-то в сторону громкоговорильника, – Им... шоу подавай... Типа, зрителю нужна современная атмосфера! Птьфуу! Не прошёл я прослушку. Молодняк там какой-то сидит, ничего в песнях не смыслит... – побагровел Кеша, жестикулируя в своём монологе и гуляя желваками во время коротких пауз, – Давай, я тебе спою...

Он взял гитару, как-то отчаянно бряцнул по струнам, потом с деловым видом прислушался и начал затягивать колок: – Вот плывет эта струна, и колок скрипит... мне б хорошую гитару, я б так сыграл... – и продолжая тянуть начатую пластинку, – Совсем уже давно не пахнет бардовской песней...

– А чем пахнет?

– Чем-чем... По-моему, вкусно пахнет из котелка... – Кеша отставил гитару в сторону и потянулся к котелку, видя, как Алевтина пытается снять его с зажима над примусом, – Давай, помогу...

Николай вышел из леса, держа в руке несколько грибов:

– Смотрите, какую прелесть я нашёл...

– А может, мы их туда же, в котелок, а? – подскочил навстречу Николаю Кеша.

– Ты что?! Вот слаб человек... Это же может стать частью

вечности – запечатлённое в полотне, например в руках престальной Алевтины... – Николай кружил, как ангел над Алькой, примеряя к ней то с одной стороны, то с другой то один гриб, то другой. Алевтина смеялась залихватским смехом.

– У меня всё готово! Где у вас там хлеб, чашки...

– Под это надо бы и чуток накатить... – предложил Кеша и полез в палатку за припасённой фляжкой.

Еда разморила. И после ужина Алевтина примостилась на походном каремате, положив голову на колени тут же сидящего Николая. Кеша дотянулся до гитары, огладил корпус, потряс его, ещё раз подкрутил струну и начал изливать своё музыкальные восхищения вместе с гитарой:

– Едово получилось отменное!... И запах костра унести бы нам... по городам, по городам...

Отдалённо звучащие песни, голоса, смех, щебетания птиц – всё это сливалось в благостную картину отдыха, тянувшегося к горизонту августовского дня.

– Алька... – вдруг предложил Николай, – а пойдём, грибы поищем?

– Нее... даже шевелиться не хочется..., – Алька лежала с закрытыми глазами, а Николай травинкой водил по её бровям, носу, губам.

Альке стало щекотно, она скорчила физиогнусию, приоткрыла один глаз и хитро произнесла:

– А пойдём...

– И я с вами! И я с вами! – завопил Кеша.

Алька с Николаем переглянулись, Аллька вздохнула:

– Только чур, кто больше грибов найдёт – тот чистить их и готовить не будет!

– Ладно, ладно! Слаб человек... Я обязуюсь сам приготовить жарёху! – вызвался Николай, – Но только после того, как запечатлею!

– А ты, что с собой мольберт взял?! – поинтересовался Кеша.

– А у меня всегда с собой, в машине только... Надо будет на стоянку сходить.

Грибов в округе оказалось не очень много.

– Видимо, здесь поблизости уже всё вытоптали, – сделал вывод Николай.

– Предлагаю сходить за лесополосу, ближе к трассе, – предложила Алевтина.

– Не-ет, там местные всё сняли уже...

Но Алевтина никого не слыша, направилась вглубь леса, туда, откуда был выход на противоположную сторону трассы.

Спустя час, когда уже набрали два пакета грибов, Кеша предложил возвращаться в лагерь.

– Сейчас, сейчас, – вон ещё за теми кустами посмотрю, и – домой... – Алевтина вошла в азарт, быстро шуруя палкой по траве и то приседая, то отбегая и сваливая добытое в пакет в руках Николая.

– Ой... а что это... – Алевтина взвизгнула, увидев что-то в кустах и попятилась в сторону к Николаю, одновременно

пытаясь рассмотреть что-то большое лежащее под листьями в овраге, – Ой, ма-амочка...

Алевтина заверещала неестественным голосом, когда Николай подошёл к куче, слегка разгрёб её, обнажив человеческую кожу.

– О-о! – изрёк Кеша, пятясь назад, – Надо позвать охрану лагеря, а то ещё свесят на нас всех волков... А лучше вообще дать дёру отсюда – будто нас здесь и не было.

– Нее... надо посмотреть – живой он или нет, кожа-то, вроде, не трупа, – предположила немного осмелевшая Алевтина, подходя ближе и разглядывая.

Николай уже сделал попытку притронуться дрожащей рукой:

– Цвет кожи не похож на трупный...

– Да, пьяный поди, валяется тут, – осмелел Кеша, тоже подходя ближе, но осторожно ступая на листья, будто боясь наступить ещё на одно тело, – Я, это, сбегая – позову кого надо – ага? – и быстро ретировался, не забыв прихватить с собой пакет с грибами.

Николай уже нащупал у лежащего тела вену на шее:

– Живой... Ээ-й, товарищ...

– Чего он здесь голый-то делает? – оглядывая тело, поинтересовалась непонятно у кого Алевтина, – И вроде, не очень грязный, значит, недавно лежит.

– Да... ночью-то холодно, за ночь-то окочурился бы точно...

– Да, он и так ещё не известно – чего не в себе... Без сознания что ли...

– Смотри, кровь на голове...

Через минут тридцать Кеша привёл подмогу – организаторов фестиваля и местного медика. Медик осмотрел тело. Организатор уже связался по рации с городом.

Ещё через полтора часа приехали скорая, милиция.

Толстый, пыhtящий и постоянно утирающий пот майор полиции представился, как Черняков, и начал осмотр места происшествия. Но вскоре у него сработала рация, его вызывали на место ДТП, произошедшее здесь же недалеко:

– Да был я уже там, – огрызнулся рации Черняков, – там авария произошла примерно четыре часа назад. Вишнёвая девятка не справилась с управлением и въехала в бензовоз. Погорело всё конкретно. Водителя бензовоза, ещё живого, но сильно обгоревшего, увезли в Артём – до Владика дальше, могут не успеть. А в вишнёвке, кроме водителя, похоже, был ещё пассажир – но оба в кочерыжки превратились. Теперь только экспертиза покажет – кто да что. Ещё хорошо, хоть от машины капот оторвало и далеко отбросило – хоть по цвету попробуют эксперты картину составить...

Майор ходил вокруг колдующего над телом врача скорой и возмущался:

– Не, ну прикинь, сегодня хотел идти на больничный – совсем чё-т спина болит, – майор в очередной раз вытер испарину на лбу, – а тут, как назло выезд за выездом. Ты может,

это, – обращаясь к врачу, – здесь по-быстрому всё оформи... Он не пьяный случай? Может, напился да и лёг отдохнуть? В вытрезвитель его доставь...

– Ага, а разделся он сам и зарылся с головой в кучу листьев?! – произнёс тихо, но уверенно врач скорой.

У врача на голове возвышался красный ирокез. Только белый халат выдавал в нём дисциплинированного человека.

– Ну, ты это – придумай чего-нибудь... Домой мне жуть как надо, понимаешь... Вчера с друзьями гульнули – трубы горят, жуть... А тут – без опознавательных, без документов, да ещё и без чувств... Если мне задерживать кого-то из этих, – майор кивнул в сторону стоящих неподалёку Алевтины и Николая, – эт точно до утра... Давай придумаем чё-нить, а?

Майор умоляюще смотрел на врача.

– Похоже, его приложили по голове... Надо дело открывать...

– Чё ты, правильный такой чё ли? При нём ни документов, ни одежды – да я и не до утра даже, а до завтрашнего вечера с ним не расквитаюсь...

– Я не знаю, чесслово, чем тебе, майор, помочь. Я его доставлю в больницу на Партизанской, а там как раскрутят.

– Ты, чё – правильный?

Врач не стал дослушивать майора, позвал санитаря:

– Носилки давай...

Скорая уезжала, увозя тело неизвестного, подающее еле

заметные признаки жизни.

– Чёрти чё, – выругался майор, запрятав в заплечную сумку протокол с места осмотра, и направляясь к Кеше, Николаю и Алевтине.

– Короче, вы мне оставили свои данные, никуда не уезжайте из города, вызовут повесткой. Алевтина возмутилась:

– Как это «не выезжать»? У меня через три дня рейс...

Николай заступился за Алевтину:

– Да мы сами по-мужицки разберёмся, чего сюда приплетать женщину.

Майор вытер со лба испарину и оживился:

– Вот это хороший разговор, вот это я понимаю. Ты это, как тебя? Николай? Вот тебе мой телефон, – он вытащил визитку и протянул Николаю, – Вы же на фестивале? Пока выходные – вы отдыхайте, ребята, а потом я звякну – потолкуем.

Майор пошёл к своей машине, в сторону трассы.

– Слаб человек! – вздохнул Николай, – Пойдёмте уж в лагерь. Кеш, ты узнал – какая там программа?

– Какая программа? У нас будет своя программа – нужно руки от этой грязи хорошо проспиртовать и «голос поставить».

– А голос ставить зачем? – не поняла Алевтина.

– Это у бардов так обозначают – принять по сто грамм, – уточнил Николай, – Идёмте уже в лагерь, холодает.

6. Муха

«Муха карабкается по стене. Ведёт себя, как перебежчик: сделает несколько шагов, остановится, потом возвращается на какую-то пройденную точку, и – снова вперёд. Шаги? Это слово для мухи? Она идёт? Шагает? ...М-м... как болит голова... ползёт...»

Так Неизвестный наблюдал за мухой. Он уже несколько минут, как открыл глаза. С трудом повернул голову – она была тяжёлая, и что-то мешало в области затылка. «Что это?» – Неизвестный осмотрел в пределах видимости место, где находился.

«Окно. За окном светит фонарь – вытянутый корпус фонаря похож на... На что он похож? ...Как болит голова. Около фонаря много мошкары. Свет от фонаря падает на стену, по которой медленно движется муха – или очень рано, или слишком поздно. Муха толстая. Не чувствует никакой угрозы, потому и не улетает... Мозг работает... Причинно-следственные связи... При чём здесь связи? Какая связь у меня с этой мухой? У меня... Кто я?»

Неизвестный открыл рот и хотел выкрикнуть что-то. Получилось что-то вроде:

– Ы...

Он с трудом повернул голову в другую сторону. «Кровать. На ней кто-то спит – слышно, как булькает дыхание спяще-

го. Укрыт чем-то тёмным... Плед, жёсткий плед. Такой же на мне».

Ещё одна попытка что-то произнести:

– Ы.....

В руку воткнута иголка, от неё трубка идёт к капельнице. На штативе капельницы пузатый флакон с жидкостью. «Хочется в туалет. Сейчас лопну...».

Неизвестный попробовал встать. Боль от головы прошла до самого корня языка и выдавила:

– М-м...

В это время дверь открылась и прямо на него пошла, шурша обувью по полу полная фигура в белом халате, белом колпаке, которые от света, падающего от фонаря за окном становились то серыми, то местами белыми, то жёлтыми:

– Очухался? – произнесла белая, посмотрела на капельницу.

– Ы... – снова попытался выдавить из себя Неизвестный.

– Чего? – переспросила белая, – Сейчас дежурного врача позову...

«хоспитал, – подумал Неизвестный, – Ай... ху эм ай?»

Пришёл врач. За ним белая. Включили свет. Муха зажужжала и полетела в кругосветку над лампой. Свет резанул по глазам, стало ещё больнее голове в затылке... Хлопок где-то перед ушами донёс набор непонятных слов вошедших, как сквозь скафандр:

– Я его спрашиваю, мол, в себя пришёл, а он мне

«Ы... Ы...»

– Большой глазоткрой тееее... – услышал совсем непонятную фразу Неизвестный.

Врач расширил пальцами зрачки:

– Зрительные рецепторы срабатывают. Как вас зовут?

Неизвестный, щурясь, смотрел на глядящего на него совсем близко человека. «Something familiar in this phrase...» – подумал.

– Как-ваше-имя? – переспросил доктор.

«Как-ваше-имя... Май нэйм... майнэйм...» – Неизвестный смотрел на склонившееся к нему лицо, и понял, что спрашивают его имя, но ничего вспомнить не получалось. Нестерпимо хотелось в туалет.

– Ы... – Неизвестный указал рукой ниже живота.

– Принесите ему утку, – сделал распоряжение врач и пошёл из кабинета, на ходу говоря белой какие-то фразы ещё.

«Where do they go? I want to go to the toilet... I have to get up...» – даже не слова, а ощущения внутри болезненной головы подсказывали ему желания.

Тут неизвестный увидел, что на соседней кровати произошло оживление. К нему повернулась тёмная небритая рожа. Лица там было совсем мало – только чуть ниже глаз. Остальное – рожа.

«I remember what a face and erysipelas are. I see that I am in the hospital. Who am I? Why can't I say anything... How headache...»

Зашла белая, в руке у неё был пластиковый флакон странной формы. Она махом отдернула плед, примостила устройство между ногами и произнесла добрым голосом:

– Ну, давай, дорогой...

«So well said incomprehensible, – подумал Неизвестный, – But what does this mean? What she does? Oooh... Хорошо-оо...»

Внизу живота стало легче с высвобождением накопившейся жидкости.

Как только белая ушла, Неизвестный увидел, как обладатель небритой рожи стал подниматься со скрипящей постели. Сел, вперившись взглядом в Неизвестного, кулаками рук опершись на матрац:

– Как зовут?

Неизвестный уставился на рожу.

«Каак завут...» – повторил мысленно, пошевелил губами, но выдать слова не получилось.

Утром следователь в кабинете врача занял нападающую позицию:

– Значит, амнезия? Ещё мне этого не хватало... Хотя – это теперь ваш геморрой. Мне он всё равно никаких показаний дать не сможет, так что пишите протокол, и концы в воду...

– То есть, как это «концы в воду»? Вы должны найти зацепки...

– Какие зацепки? Он теперь сам – как сплошная зацепка... Ничего-ничего, подлечите его, а если он чего-нибудь

вспомнит – звоните. Но мой вам совет... Бомж – он есть бомж... В приют его не оформить. В розыскной базе такого нет – я все фото просмотрел. Так что – моё дело сделано, имею честь, – и как можно быстрее со своей переваливающейся тучной походкой скрылся за дверь.

– Честь он имеет... – пробурчал вслед врач, нервно подёргивая щекой.

Неизвестный немного пообвыкся к обстановке. И к вечеру следующего дня уже понимал, что говорят окружающие, но слова цеплялись друг за друга, как будто выныривали откуда-то из другого пространства, а произносить ничего не получалось. Попытался встать. Белая как раз вошла в палату, уколы принесла:

– Ой, чего творишь-то? Постельный режим! Постельный режим! Давай, ложись, я тебе обезболивающий поставлю.

А когда Белая ушла, Рожа уставился на Неизвестного:

– Вона как! А я всё думал – амнезию эту только в кино показывают... А тут вот она – совсем рядом, вот будет о чём нашим рассказать.

7. Неизвестный

Прошло ещё несколько дней.

В ординаторской собрался консилиум по поводу выработки единого мнения по диагнозу поступившего без документов больного и схемы лечения.

– Реакции на свет, чувствительность, потребности сохранены.

– Но ему не удаётся вспомнить «кто он». Отсутствует речь. Но реагирует на некоторые простые вопросы. Надо провести обширное МРТ, рентген органов...

– На какую статью расходов мы его поставим? – спросил один из врачей.

– Какая бы ни была... Он – человек, и он у нас... – ответил главврач.

Неизвестный во время обеда обжёг язык горячим чаем и чувствовал, как язык болит, значит язык есть и он работает. Он не понимал многие слова, которые произносили вокруг него, но что-то было понятно. В горле как будто поперёк что-то застряло. Врач принёс ручку и листок и попросил написать, «как имя». Неизвестный нарисовал на листе вопросительный знак и уставился на доктора.

– Амнезия... амнезия, – произнёс недоуменно-восторженно доктор, ведь на его долгой практике это был первый случай, и вышел из палаты.

На следующий день во время обхода пришли несколько врачей. Неизвестного осматривали, кололи иглами, обстукивали, водили молоточком перед глазами, заставляли вытягивать руки и касаться пальцем конца носа. Потом отправили на рентген и на обследование в белом саркофаге, где в уши колотил молоток, пищал какой-то аппарат, похожий на допотопный сканер.

Неизвестный больше не пытался произносить что-либо. Но как-то взял с кровати соседа газету, он мысленно прочитал текст, мало что понял, разглядывая слова, которые были как будто с трудом вытаскиваемые откуда-то из глубины. Он разглядывал свои руки, ноги и понимал, что это. Когда рожа в очередной раз вступила в контакт, подойдя к задремавшему Неизвестному и начал тыкать в его тело пальцем, проверяя «жив ли» и бормоча что-то, проснувшийся открыл глаза и кивком дал понять «what is needed?». Рожа сел на краешек кровати Неизвестного и стал печально рассказывать какую-то историю, которую слушающий почти понял... Так, в полунемых разговорах тянулись дни.

Следователь открыл дверь рывком, зашёл уверенно и сел на стул около кровати Неизвестного. Тяжело дыша и вытирая выступившую испарину, достал из сумки бумагу, ручку и потянул Неизвестному:

– Пиши – «Я такой-то такой-то, претензий не имею, и прошу меня выписать в связи с выздоровлением. Подпись, дата».

Неизвестный смотрел на листок, на человека в форме, и вдруг подскочил – встал навытяжку, выгнув грудь, как по команде «смирно». Следователь тоже привстал, косо взглянул на Неизвестного, сглотнул слюну:

– Да, по тебе, братец, дурка плачет... Вот только оформление туда без документов-то уйму времени займёт. Да и кому ты там нужен, сейчас же всё на хозрасчёте. Кто за тебя, безвестного да бездомного, платить будет? Ладно, расслабься, – Следователь похлопал по плечу Неизвестного.

Но Неизвестный продолжал стоять, уставившись глазами в какую-то невидимую точку по центру глаз.

– Сядь, я тебе сказал! – прикрикнул майор и ладошкой похлопал по постели.

Неизвестный как будто пришёл в себя, обмяк, всматриваясь в лицо напротив, и тоже похлопал по постели, и зачем-то улыбнулся. А после присел под нажимом руки Следователя.

– Так, короче... Раз ты так, надо брать ситуацию в свои руки.

Следователь вышел из палаты.

Зашла санитарка, ворча:

– Этапируем, этапируем... А во что я его одену? С меня ж потом спросят больничную одежду...

За ней следом протиснулся следователь, озираясь за дверь:

– Давай, давай побыстрее, машина уже заждалась. А доктору скажешь, что ничего не видела – сам куда-то делся.

А ты, Дудень Илья Алексеевич, – обратился майор к лежащему на соседской кровати Роже, – Только пикни, я тебе сладкую жизнь устрою, свешать на тебя найду что... Кстати, это твои штаны? – он указал на висящий на спинке кровати спортивный костюм, – Конфискуем!

– Но... – хотел возмутиться Рожа.

– Молчать, сказал, – и кинул одежду Неизвестному, – Переодевайся.

Штаны и кофта оказались велики. Штаны пришлось подкрутить в поясе, и рукава тоже. В таком виде следовательно повёл Неизвестного, подталкивая в спину. Минуя коридор, в котором было много народу, вывел во двор, и почти насильно затолкнул в уазик.

– Куда? – спросил водитель в полицейской форме, – В отделение?

– Ты прямо поезжай, за Первую речку... я скажу, где остановиться.

8. Кактус и цитрус

В глухом проулке одной из Проходных улиц майор приказал притормозить и попросил Неизвестного выйти из машины. Пока Неизвестный оглядывался по сторонам, машина дала газу и уехала, оставив клубы пыли на асфальтированной дороге.

Неизвестный посидел некоторое время у обочины. Машин здесь не предвиделось, людей тоже. Лесополоса вдоль дороги, да вдалеке слышимые громкоговорители и запах гари. Туда Неизвестный и побрёл. Вскоре он вышел на железнодорожные пути, и пройдя их, ещё издали заметив автомобильную развязку, побрёл ближе к цивилизации. Долго куда-то шёл и шёл, проходя мимо спешащих людей, мимо трамвайных линий. Уткнулся в район стоящих полукругом длинных жилых домов.

В животе урчало от голода, хотелось просто пить воды. Снова вернулась головная боль. Он шёл по направлению к пахнущему свежестью воздуху.

«There must be water...», – думал Неизвестный, продолжая петлять между зданиями.

Около светофора, недалеко от крыльца, над которым красовались знакомые буквы «Lotos», присел на лавочку. Рабочий вынес из лавки с овощами коробку с полусгнившими продуктами и поставил около скамьи. Как только рабочий

ушёл, бедолага быстро рукой перебрал содержимое, достал два совсем чёрных банана и подался через дорогу, в сквер, подальше с глаз людей.

В сквере, на детской площадке прогуливалась только одна мамаша с коляской. Завидев бомжеватого типа, она ускорила шаг.

Неизвестный присел на карусель, снял кожицу с банана. Мякоть плода вывалилась из рук и плюхнулась под ногами в песок. В руках осталась только кожица. Слизав языком со стенок кожицы коричневое месиво, Неизвестный попинал тапками песок, закапывая содержимое. Кожицу аккуратно сложил втрое, и выкинул в мусорную урну, которую заприметил ещё с площадки.

Хотелось помыть руки, избавиться от запаха гнили на ладонях, но ничего подходящего рядом не нашлось. Пройдя ещё с полкилометра, он вышел на длинный ряд ограждения, стоящего вдоль дороги.

«There is a river?» – подумал Неизвестный и направился ближе к ограждению.

Так и оказалось. Спуск со стороны берега представлял крутую тропинку, спускаясь по которой, приходилось крепко держаться за ветки здесь же растущего кустарника и деревьев. И всё-таки спуститься на ногах не получилось. В какой-то момент равновесие потерялось и Неизвестный покатился кубарем вниз.

С речки за ним наблюдали трое мальчишек, удивших ры-

бу. Было забавно смотреть, как неуклюже спускается этот недотёпа. И когда неумелец ещё и свалился вниз, пацаны расхохотались, умиляясь неловкости взрослого чудака.

Чудак ещё более развеселил мальчишек, когда поднявшись, стал отряхиваться. Потом, как сам не свой нашёл место у воды с утопленными камнями, примостился на них, помыл руки и начал жадно пить воду.

Напившись и вытирая ладонью губы, он теперь только заметил пацанву. Мальчишки смеялись уже взахлёб и тыкали пальцами в пришельца. Незнакомец улыбнулся, а потом тоже стал беззвучно смеяться. Смеясь, он отряхнул свой спортивный костюм, подтянул штаны и направился к мальчишкам.

Мальчишки, не совсем соображая, чего можно ожидать от чудака, начали быстро скручивать удочки. Более всех торопился тот, что находился всех ближе к незнакомцу. Он даже немного растерялся, торопясь ретироваться. Схватил ведёрко с уловом, заплечную сумку. Удочка выпала, леска раскрутилась, зацепилась за что-то. Пацан подёргал леску, и боясь попасть в руки уже приближающемуся незнакомцу, бросил удочку и дал дёру. Быстро вскарабкался по крутому глинистому обрыву и был таков. Мальчишки, втроём ещё немного понаблюдали с верхотуры обрыва за чудаковатым дядькой.

Неизвестный поднял удочку, отцепил запутавшуюся леску и присел около воды.

День уже перевалил за полдень. «Headache. Now you want

to sleep, – думал Неизвестный, – where to go, and most importantly – who am I?...»

Неизвестный омыл руки, почистил штаны и кофту, и стал искать глазами удобное для подъёма наверх место.

Выбравшись, наконец, от речки и пройдя немалое расстояние, следуя за интуицией, Неизвестный старался обходить широкие улицы и крупные районы. Но в одном из мест, недалеко от красивого здания с театральными афишами, он увидел цветочный магазин. Ноги понесли его прямо на витрину. Он постоял около стеклянного фасада, разглядывая растения в горшках, и заметив что-то неладное в одном из горшков, бесцеремонно зашёл в лавку, подошёл к кактусу, прокрутил цветок в руках, заглянул под основание корня, поковырял землю, растёр почву, посмотрел на вымазанные пальцы, покачал головой. Потом заглянул под ещё одно растение, другое. И всё качал-качал головой. Продавщица, растерянно наблюдая за странным посетителем, вначале остолбенела, но спохватилась, пришла в себя и потребовала:

– Мужчина, что вы делаете? Зачем вы ковыряетесь в наших цветах?

– Ы... – только и произнёс Неизвестный, и сам того не ожидая, схватил с витрины первый попавшийся ценник и начал требовать жестами ручку.

Продавщица поняла, что это немой, но чтобы не заполучить проблем от него, решила выполнить его требование. С испуганным видом она нащупала ручку, протянула.

Неизвестный написал на английском «For desert cactus and citrus peat – death». Положил ручку и вышел.

Продавщица, глядя на надпись, затем вслед странному посетителю, пожала плечами, скомкала испорченный ценник и выбросила в мусор.

Неизвестный почувствовал прилив сил. Выйдя из цветочного магазина, он теперь уже смело шагал по пешеходной дорожке широкого проспекта, заложив руки за спину и улыбаясь прохожим.

9. Спасение

В этом приподнятом настроении он присел на лавочку, на другой край которой почти следом же присела пожилая женщина, тяжело опустившаяся рядом и поставившая сумку на колёсиках, из которой аппетитно торчал хлебный батон. Неизвестный скосил взгляд на него. Поймав взгляд женщины, он смутился и еле сдержал сглатываемую слюну.

«Nowhere to put your hands. The fingers are dirty again. So I want to wash them Некуда деть руки. Пальцы снова грязные. Так хочется их помыть)» – думал Неизвестный и старался выковырять грязь из под ногтей краешком кофты.

– Возьми, милый, – женщина подошла к Неизвестному и протянула ему батон хлеба, – Ешь... Горемыка... Что ж с нами жизнь-то творит.

Сунула батон, вздохнула и, подняв сумки, пошла по своему маршруту.

Неизвестный секунды смотрел вслед удаляющейся женщине, везущей за собой сумку на колёсиках, потом притянул батон к носу и вдохнул его ароматный запах.

Поедая батон, он заметил чуть вдали золотые башенки с крестами. Ноги повели Неизвестного прямо к этим башенкам, возвышающимся над ослепительно чистыми жёлто-зелёными строениями церкви, будто приподнятыми над холмом. Белоснежные ступени вели к храму, будто приглашая

любого страждущего прикоснуться к доступному величию. Только Неизвестный подошёл к ступеням, зазвонили колокола. Здесь же стоящие просители с протянутыми руками, низко наклоняя головы, изображали смирение. Проходящие мимо иногда что-то вкладывали в ладонь.

Неизвестный встал рядом и наблюдал за теми и другими.

Вдруг почувствовал на плече чью-то руку.

– Ты чьих будешь? Чё глазеешь?...

Неизвестный пожал плечами.

– Вали отсюда! Это наша территория... – угрожающе навалилась на него не совсем понятная речь.

В это время мимо проходили молодые парни и девушка, что-то бурно обсуждали.

– Вот он! Вот он – Храм Божьей Матери! Мне о нём наш Садовник рассказывал. Мне обязательно-обязательно в него надо попасть! – говорила девушка и уже направилась к ступеням.

– Не-е, я здесь побуду...

– О! И я... не люблю этих церквей...,

– С чего ты взял, что я не люблю! Ты за себя говори, а за меня не надо...

– Ой-ой... ска-а-жите... – буркнул Кеша и поплёлся через дорогу.

– Вер, ты сходи без нас... – Николай извиняюще скривил рожицу, – А мы тут подождём.

Вера перекрестилась, накинула с плеч на голову косынку

и пошла по ступеням.

– С попрошайками, что ли, ждаться будешь? – съехидничал Кеша, вернувшись к Николаю, – Смотри, ещё тебя за своего примут...

– А тебя не примут? Ладно тебе, пойдём на ту сторону, там вон лавочка есть....

Они перешли дорогу, плюхнулись на лавочку:

– Не думал я, что знакомить с городом так тяжело. Но Алевтина попросила – позаботиться об однокласснице – куда деваться.

– Да, ладно тебе, классная девчонка! Ради неё... ох, ради неё... – Кеша мечтательно задрал голову к небу.

– И что – «ради неё»? Что – глаз положил? Губа-то не дура! Но не по тебе она...

– Как это «не по мне»? Это ты что ли на неё претендуешь, у тебя же Алевтина есть!

– Да пошёл ты! Буду я ещё претендовать! Просто не по тебе, и всё!

– Друг называется! – Кеша обиженно отвернулся.

– Ну, не дуйся на меня... – Николай огляделся по сторонам, – А день-то какой сегодня хороший!

Он закинул руки за голову. Обвёл взглядом площадь перед Храмом и стал разглядывать двух стоящих друг против друга бомжей. Один хлопал другого по груди, как бы отгоняя. А второй, в огромном, не по размеру спортивном костюме, отступал и казался очень беспомощным.

«Какая типичная фигура... костюмчик великоват – наверное, чей-то... Где-то я его как будто видел» – промелькнуло в голове Николая.

– Слушай, интересно, а что с тем мужиком стало, ну, помнишь, которого в лесу нашли? – как бы про между прочим спросил Николай, не отводя глаз от разборки между бомжами.

– Чё он тебе дался? – цокнул Кеша, – Мне так барыбер «что он» и «где». Ты лучше скажи, вы с Алевтиной жениться-то собираетесь?

– Что говоришь? – продолжая вглядываться в обостряющуюся сцену между бомжами, переспросил Николай и, видя, что в наезде принимают участие ещё двое, – Нет, ну трое на одного – это как-то не правильно...

Николай резко встал и пошёл к месту разборки.

– Куда тебя несёт? – возмутился Кеша, – Сами разберутся.

Николай уже переходил дорогу и шёл к бомжам.

– Вот... надо тебе оно? – крикнул вслед Кеша, не желающий вступать в разборку.

– Вали отсюда, мычало, – зло, с хрипотцой напирал один из обидчиков тому, что стоял напротив него.

Одинокий, в спортивном костюме не по размеру, смотрелся очень безобидным. Николай схватил его за руку и потянул к себе:

– Беги за мной! – не выпуская руки одинокого, кинулся бежать на противоположную сторону дороги, где на скамей-

ке продолжал сидеть Кеша.

Незнакомец охотливо поддался предложению Николая и кинулся бежать за ним, неуклюже шлёпая спадающими с подошв тапками.

Николай и незнакомец плюхнулись на скамью.

– Ты чё с ними не поделил? – спросил Николай незнакомца, вглядываясь в него пристально.

Но тот улыбнулся на вопрос и пожал плечами.

– Вроде с виду-то не бомж... – продолжил Николай, – С больницы, что ли, сбежал? Где-то я тебя видел...

– Ы... – промычал незнакомец.

– Да, ты немой? – уставившись на него, выпалил Кеша.

Незнакомец снова улыбнулся и пожал плечами.

10. Свет

Вера спускалась по ступеням лестницы Храма Успения святой Богородицы. Трое очумевших от созерцания такой восхитительной картины молодых мужчин не могли оторвать от неё взглядов. И будто музыка лилась отовсюду, и в замедленных движениях девушки, в её опущенных веках будто пронизанная насквозь светом ею самой стало солнце.

– Хороша... – произнёс Кеша.

– Да это же полотно! Грация!... Мда, слаб человек, – срисовывал образ Николай.

Только Неизвестный молчал, впитывая взглядом совершенство храма и спускающуюся по его ступеням Мадонну. Услышав слово «грация» он закивал головой.

А Вера уже махала своим новым друзьям рукой. Парни перешли дорогу.

– Вот благодать-то – такой Храм! Это ж надо – мне столько о нём рассказывал наш Садовник. Представляете – в нём ковчег со святыми частицами мощей Николая Чудотворца и икона Сергия Радонежского тоже с частицами мощей, – высказывала свои восторги Вера.

– И что живому человеку от этих святых мощей? – съехидничал Кеша.

– Как «что»? – удивилась Вера, – Это же святыни, это то, что составляет нашу историю православного человека.

Вчетвером, они уже шли вдоль Храма мимо попрошаек. Вера открыла сумочку, доставая кошелёк. Увидев это, Николай прикрыл руки Веры жестом:

– Не стоит этого делать!

– Почему это? Всегда надо подавать просящим – дай и воздастся, об этом в Библии.

– Потом расскажу... – улыбнулся Николай.

В эту же минуту один из бомжей подставил подножку плетущемуся позади Веры Неизвестному. Неизвестный не удержался и полетел на асфальт, распластавшись плашмя и откинув тапки.

Николай смекнул, что произошло. Помогая Неизвестному подняться, он пригрозил бомжам, стоящим с испуганными выражениями лиц.

– Ой... – Вера стала помогать Неизвестному отряхиваться.

Николай, ещё раз пригрозив попрошайкам, повернул голову к уже стоящему и поддерживаемому Верой Неизвестному:

– Точно! Это он... Кеш, посмотри с затылка... У того тоже в этом месте рана была. Теперь-то уже затянувшаяся. Это тот – из леса.

– Неизвестный смотрел на ребят и улыбался.

– Кто это? – не поняла Вера.

– Пойдём, пойдём отсюда, сейчас всё расскажем, – сказал Николай, увлекая Веру и Неизвестного от этого места.

Сидя за столиком в уличном кафе Николай с Кешей наперебой рассказали подробности похода за грибами. Вера следила за тем, как жадно, но культурно поедал картофель фри Неизвестный.

– Чего ж ты, друг, молчишь? – глядя на него, произнёс Николай, – Мне кажется, он голодный.

– Ты голодный? – небрежно спросил Кеша, – А я бы тоже чего-нибудь мясного перекусил.

Неизвестный не понял вопрос и опустил глаза.

Официант принёс меню. Вера взглянула на цены. Николай перехватил взгляд:

– Заказывай, что хочешь. Я сегодня банкую. Алевтина просила так ухаживать за своей одноклассницей, чтобы она осталась довольна.

– Ой, ребят, да я и так довольна – весь город мне показали, столько времени на меня потратили... А что теперь с ним будет? – глядя на Неизвестного, спросила Вера.

– Я помню того мента, который его забирал. Ещё тот гусь! Алевтине нужно было уже в рейс. А он – ни в какую – подписывайте, говорит, бумагу о невыезде из города. И выудил взятку приличную.

– Ой, послушаю я вас и опять, наверно, к себе уеду в посёлок. У нас-то все на виду: если уж мужики без работы, так пьют. А у женщин всегда дела есть.

– Нет, ты подумай – в посёлок она назад собралась! – возмутился Кеша, – В городе перспективы, а там что – такая

девушка, как вы – Вера, должны жить в городе.

– Да у вас тут такие страсти творятся, – глядя на Неизвестного, осторожно произнесла Вера.

– Время такое, – заключил Николай. – Но надо что-то придумать – что с ним делать?

– Что-что! Сдать его надо в... больницу например. Он же немой...

– А ты уверен, что он немой?

Официант подошёл принимать заказ. Вера сделал свой выбор. Кеша заказал пива и шашлык. Николай подвинул меню к Неизвестному. Тот взял меню и уверенно начал листать его. Ребята переглянулись. Неизвестный пробежал глазами меню на русском и открыл раздел на английском, ткнул в первое недорогое блюдо. Ребята ещё раз переглянулись. Официант ушёл выполнять заказ. Вера обратилась к Неизвестному:

– Do you speak English? – спросила Вера, обращаясь к Неизвестному.

Тот посмотрел на Веру, улыбнулся, кивнул головой и пожал плечами. Вера взяла салфетку, вынула из сумочки ручку и написала – «what's your name?».

Неизвестный посмотрел на листок и обрадовался, взял ручку и записал: «not remember».

– Ребята, он англичанин, или американец! Вот ничего себе! – воскликнула Вера.

– Его поди уже ищут, надо, как там это называется –

в МИД его сдать.

Вера продолжила запись на английском: «how did you get here? – как вы здесь оказались?»

Неизвестный подчеркнул уже записанное: «not remember».

– А ты откуда так шпаришь на английском? – спросил удивлённый Кеша.

– Gardener, ой, то есть Садовник нас учил.

– Что за Садовник у вас там такой необычный? – язвительно спросил Кеша, но Вера не отреагировала на вопрос, увидев, как Неизвестный свёл брови, будто что-то вспоминающая. Но боль ошпарила всё тело и он сдавил лоб.

– Так, по-моему, его надо в больницу, и в полицию сообщить всё, что мы о нём узнали – пусть там по своим каналам, как положено – робот сделают, разошлют куда надо, – заключил Николай.

Официант принёс заказ и Кеша, поднимая кружку с пивом произнёс:

– Ну, чтоб всё могло быть...

Подкрепившись, четвёрка направилась в полицию. Уже перед входом в отделение, Кеша затормозил:

– Не люблю я эти полиция-милиция. Вы идите, а я здесь подожду.

Вера уверенно поднялась на ступеньки и открыла дверь в участок. В окне дежурного она слегка растерялась, но спросила:

– Скажите, мы вот тут нашли м-мм... человека.

– И что? – последовал вопрос дежурного.

Мимо дежурного проследовал следователь майор, притормозил около Неизвестного:

– Что за де жа вю!

Неизвестный вспомнил майора и отступая назад, столкнулся с Николаем, рассматривающим на доске объявлений фотороботы. Николай обернулся и увидел майора:

– А, и вы здесь? – обратился майор к Николаю, – Мы же, вроде, всё обсудили?! Или вам показалось мало?

– Ну, как же человек...? – спросил Николай, указывая на Неизвестного.

Вера уже отошла от окна дежурного, с бланком в руках:

– Коля, вот нужно заполнить заявление и пройти к следователю Гущину...

– К какому ещё Гущину? – майор вырвал бланки из рук Веры, – Это моё дело, я его начал, я его и продолжу – ишь, сбежал из больницы. Да его уже почти оформили в психушку, а он – ишь... Старшина! – он схватил одной рукой Неизвестного, и окликнул дежурного.

– Вы что себе позволяете? – возмутилась Вера, отдернув руку Неизвестного и встав перед ним, – Какая ещё психушка? Вы что не видите – перед вами нормальный человек...

– А ты откуда взялась? Правозащитница! – наехал на Веру всей своей грузной комплекцией майор.

Николай встрял в разговор:

– Мы всё поняли, товарищ майор, мы сейчас отсюда уйдём и вы нас не видели – по рукам?

Майор достал засаленный платок и вытер им шею:

– Вот понимаешь, когда надо... – прошипел сквозь зубы.

– Коля, что происходит? – не могла понять Вера.

– Идём, потом расскажу, – Николай развернул к выходу Неизвестного, одновременно другой рукой увлекая за собой возмущающуюся Веру.

– Ну и порядки, ну и порядки! – уже на улице восклицала Вера.

Кеша выждал, когда с ним поравнялись друзья:

– А чего вы этого с собой...?

– Надо успокоиться, обмозговать всё, как следует, и действовать как-то по-другому, – предложил Николай, – Выход один, ко мне домой нельзя – у меня в двухкомнатной мама и собака. Кеша, к тебе?

– Ты что, Коля? Я ж говорил, что последнее время ночью у друга, с предками совсем в разладе.

– Надо к Алевтине! – заключила Вера, – Она только через два дня вернётся, может, за это время что-нибудь придумаем...

Кеша подозрительно посмотрел в сторону Неизвестного:

– А вдруг он буйный? Я готов с вами там где-нибудь рядом...

– Успокойся, Кеша, – Николай, как обычно, уже сделал свои заключения, – Я там недалеко живу, если что – Вера

позвонит.

Неизвестный задрал голову и рассматривал летящий по небу самолёт.

– Пойдём, товарищ, – потянул его за рукав Николай.

Неизвестный снова запнулся о тапки и, не удержавшись, распластался на земле.

– Надо ему одёжу каку-нить подобрать. Я кое-что дома собираю.

11. Леониды

Вера вставила ключ в дверь, дёргая его, у неё не получалось его провернуть. Неизвестный спокойно тронул Веру за плечо, улыбаясь и предлагая помощь. Вера вздёрнула брови и отошла на шаг. Неизвестный аккуратно надавил на ключ, поддавил на дверь и в замке что-то хрустнуло. Через секунду Вера увидела обломок ключа, лежащий в ладони Неизвестного.

Вера вздохнула, взяла огрызок ключа, посмотрела на смутившегося Неизвестного, который в растерянности пожал плечами.

– Бедолага... – произнесла Вера, – И что же тебе так не везёт?!

Постояла несколько секунд в задумчивости, достала телефон, набрала номер:

– «Номер недоступен»... – Вера стала объяснять Неизвестному, – Коля трубку не берёт, а Кешин телефон я не записала. Что же делать? И время уже позднее, к соседям неудобно...

Вера стала спускаться по ступенькам лестничного проёма. Повернулась к Неизвестному и жестом показала «идти за ней».

– Как козлик на привязи, и даже безропотно, – произнесла тихо Вера, – Тебе и роптать-то нечем. Что же с тобой такое

произошло? А тут я ещё с этим ключом...

У подъезда Вера опустилась на лавочку и стала рассматривать окна дома. Уже кое-где зажёгся свет. Вера посмотрела на часы – 22.40. Вздохнула. Зазвонил телефон, на табло высветилось «Николай».

– Ало, ало! Коля, как же я рада, что ты позвонил... Нет, ничего не случилось... То есть случилось, ключ сломался, и мы сидим около подъезда... Да, я звонила, у тебя отключен был... Хорошо, хорошо, никуда не уйдём.

Вера выключила телефон:

– Чтобы мы сейчас с тобой делали, если бы не это чудо техники! Коля скоро придёт, сказал, что одежду для тебя собрал.

На усыпанном звёздами небе изредка пролетали кометы.

– Вот странно, да – почему в августе на небе так много звёзд? Нам Садовник рассказывал, что августовские звёзды называются Леониды. Они самые подвижные... Смотри, смотри – летит, летит, желание быстрее загадывай...

Вера показывала пальцем в небо, схватила руку Неизвестного – «вон, вон...». А потом немного осеклась, видя, как Неизвестный смотрит на Веру и улыбается.

– Бедолага... Ну, ничего, я желание успела загадать – будешь ты говорить, обязательно будешь... На «Цветик-семицветик» всё это похоже, правда? Ах, да, ты ведь, наверно, по другим книжкам учился...

Из подъезда вышла женщина с собакой. Вера с Неизвест-

ным проводили её взглядом и с той же стороны, куда ушли они, у угла дома показался Николай, он тащил за спиной рюкзак.

– Вы не замёрзли здесь?

– Нет! Чудный такой вечер, и тепло совсем, – балагурила Вера.

– Ну, пойдёмте, я взял инструменты, ключ-то у меня есть запасной... Не первый раз он заедает, давно говорил Алевтине, что надо замок поменять...

Николай быстро справился с замком и уже минут через десять все оказались в квартире. Николай по-свойски прошёл на кухню, включил чайник, открыл холодильник:

– Есть хотите?

Вера уже начала хозяйничать – достала из шкафа комплект постельного белья, футболку и полотенце сунула в руки Неизвестному:

– Мыться иди, – и изобразила это жестами, одновременно показывая в сторону ванной комнаты.

Неизвестный кивнул головой. Как же он рад был, что появился доступ к горячей воде.

– Вер, а может мне остаться? – спросил Николай, – Не знаем, что от него ожидать можно?

– Знаешь, у меня нет страха перед ним... Жалко его. Что же могло случиться? А? Как думаешь? Да, ты же мне хотел рассказать о майоре из участка.

Николай наполнил бокалы заваркой, кипятком, открыл

вазочку с вареньем и принялся рассказывать о том, о чём догадался, и что произошло у них с этим следователем.

Вера уже клевала носом, облокотившись на локти, еле удерживала падающую без сил, голову.

Николай расправил постель Алевтины, проводил туда Веру, уложил спать. А в зале разобрал кресло-кровать для Неизвестного, достал из рюкзака принесённую одежду и положил домашние штаны на видное место.

«Заночую-ка я здесь» – подумал Николай. Разобрал ещё одно кресло-кровать. Из ванной вышел Неизвестный. Он подошёл к Николаю и показал жестами благодарность, склонив голову.

– Да, ладно-ладно, – смутился Николай только теперь почувствовав, что человек действительно беззащитен, – Чай будешь? – и указал на стол.

Пока пили чай, Николай профессионально наблюдал за движениями незнакомца – как он берёт чашку, насыпает сахар – как-то странно он это делал, не по-нашему. Обратил внимание на его щетину и показал на подбородок – «чего не побрился-то?». Неизвестный пожал плечами и Николай догадался – последний раз он использовал последний станок, а в незнакомце чувствовался аккуратист «Такой не будет бриться чужим станком...»

– Я тебе завтра принесу станок, – и показал на окно.

Неизвестный понял жест по-своему, встал из-за стола, и вопросительно указывая «на какое место ему лечь», про-

шёл к расправленному креслу. Николай показал на штаны:

– Это тебе! Мне маловаты, а тебе в пору будут.

Незнакомец закивал головой, сел в кресло, обнимая штаны, да так и повалился на подушку, засыпая и картинками перед ним мелькали какая-то лимонная рубашка в пакете и красная футболка, а так же шараханья из стороны в сторону в туалетной кабине самолёта...

Утром Вера уже хозяйничала на кухне, когда проснулся Николай.

– Доброе утро, Вер, – сказал он, направляясь в ванную.

Вера пекла оладушки, привычно орудуя над сковородой.

Выходя из ванной, позёвывая и похлопывая себя по бритому подбородку, Николай подошёл по-хозяйски к чайнику, тронул его и отдёрнул руку: – Уже вскипятила?! Ммм... пахнет как хорошо... – Николай быстрым движением схватил один блинчик оладушки и закинул в рот.

– Вот ведь – человек как устроен, – хмыкнула Вера, игриво поглядывая на жест Николая, – Наверное, все любят так таскать? – и тихонечко рассмеялась.

– Я в детстве любил сырое тесто пробовать. Мать заведёт тесто на булочки – а оно с дрожжами, а я стою рядом и слюной исхожу и ною «мам, дай тесто на соль попробовать...».

– И что – давала?

– Ну, а куда она денется, конечно, давала, – сказал Николай и стащил ещё один оладушек.

– Спит ещё? – Вера кивнула в сторону комнаты.

– Спит! Что же могло произойти с человеком?!

– Я предлагаю так – давай обзвоним все больницы...

– И что это даст?

– Ну, кто-то же его должен потерять? В конце концов, должно быть в нашем государстве хоть что-то, что может его защитить...

– Мы вчера уже сделали попытку...

Николай достал ложечки:

– У нас, по-моему, молока нет... – спохватился Николай, – я пойду за молоком, и ещё кое-что надо прикупить.

После ухода Николая, Вера затворила за ним дверь и заглянула в комнату. Неизвестный спал, мерно посапывая. Вера тихонечко прошла на кухню. Зазвонил мобильный телефон. Вера быстро отреагировала, включив «ответ»:

– Привет, Кеша... Да, проснулись... Не все ещё... Мм... Конечно, приходи, я оладушек наделала...

Вера продолжала что-то говорить на кухне. Проснулся Неизвестный. Он открыл глаза, испуганно посмотрел по сторонам и снова закрыл глаза. Урывками, в памяти встал прошедший день – как он брёл по каким-то улицам, совсем близко – смеющееся потное лицо майора, речка и убегающие мальчишки, толкающий его бомж, падающий банан... Now delicious it smells...».

Неизвестный натянул на себя плед, с секунду полежал и, быстро откинув его, приподнялся на постели на локтях, оглядел комнату. На стуле увидел висящие штаны, стащил

их и натянул на себя. Услышал шебуршание в другой комнате и раздающиеся оттуда звуки женского голоса:

– Хорошо-хорошо, захвати с собой...

Неизвестный проворно поднялся и потянулся, расправляя мышцы. Потом трусцой побегал на месте. Осмотрел конструкцию своего спального места. Аккуратно собрал и сложил рядом постельные принадлежности и собрал кресло. Сел на стул, нерешительно соображая – что делать.

В дверь в коридоре кто-то поскрёбся. К двери прошмыгнула девушка. Послышались голоса, произносящие что-то не совсем понятное.

Вера открыла задвижку на двери, вошёл Николай:

– Вот, это на кухню, – Николай протянул Вере пакет, а этим я займусь после завтрака...

Николай вытащил из другого пакета замок, связку ключей и ещё один пакетик, с которым прошёл в комнату.

Неизвестный сидел в напряженной позе. Николай улыбнулся:

– Проснулся?

Неизвестный тоже улыбнулся, растянув уголки губ, но не показывая зубы.

– А я вот тебе кое-что принёс, – Николай достал из пакета зубную щётку, бритвенные станки, – Ты же, поди, ещё не умывался?! Бери – это твоё!

Неизвестный принял из рук Николая принесённое и ещё раз улыбнулся, глядя на предметы.

– Иди, иди, чисти зубы – Николай жестаи показал движение зубной щёткой, – Брейся, – поскреб пальцами по щекам и показал в сторону ванной.

Неизвестный ушёл в ванную.

– Вера, я тут пока замком займусь, – крикнул Николай в сторону кухни.

– Хорошо! Кеша звонил – сейчас придёт...

– Зачем? – спросил как будто сам у себя Николай и пошёл переставлять дверной замок.

Кеша, действительно, не заставил себя долго ждать – только Николай приладился с замком по размерам ручки:

– Ку-ку! – Кеша стоял на пороге, держа в одной руке трёхлитровую банку с мёдом, а другой снимая бейсболку с головы и расправляя ею же примятые кучерявые волосы.

– Лёгко на помине, – пробурчал по-доброму Николай, – Давай-ка, помоги мне!

– Ну, вот, ни здрасте тебе, не пожалте, а сразу «помоги, Кеша». А, что, Кеша – всегда готов!

Кеша демонстративно вздёрнул по-пионерски руку и шагнул в квартиру.

– Вера! – крикнул он с порога, – Вера! – повторил ещё раз.

– Чё, орёшь?

– А чё? Кто-то спит? Я с Верой несколько минут назад говорил, и был приглашён, кстати, на оладушки! Вот, и банка мёда по этому поводу!

– Ну, ладно, раз банка мёда, тогда проходи! – усмехнулся Николай, продолжая орудовать с дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.